

Г. РЫЛЬКОВА

«О читателе, теле и славе» Владимира Набокова*

Даже тот, кто никогда не читал Набокова, наслышан о его «эксклюзивности» и о какой-то запланированной и изощренной жестокости по отношению к простому читателю. Набоков творил не для читателей. Или, точнее, не для всякого читателя. Читатели Набокова должны сначала пройти «набоковские университеты», так как чтение его книг предполагает наличие громадных знаний», — объяснил недавно один из почитателей Набокова, американский литературовед Гавриил Шапиро¹. Так и видится за всем этим какое-то диковинное декадентствующее существо (срдни гюисмансову дез Эссенту из романа «Наоборот», 1884), в одиночестве вкушающее плоды своего не вполне здорового воображения. Как известно, молодого еще дез Эссента в конце романа потчуют питательными клизмами, вынуждают покинуть место своего добровольного заточения и отправляют лечиться от полного психического и физического истощения в Париж и на воды. Набокова же в 67 лет провозгласили

* Работа над этой статьей оказалась возможной благодаря постдокторской стипендии от Федерального правительства Канады (SSHRC). Хочу поблагодарить Айрин Мэйсинг-Делич и Ольгу Глаголеву за обсуждение идей, представленных в этой статье. В заглавии — цитата из стихотворения «Слава» («Оттого так смешна мне пустая мечта о читателе, теле и славе»), написанного в Америке в 1942 году, в котором Набоков подводит итоги своих несложившихся отношений с русскоязычными читателями.

¹ «Корнельская хроника» в Интернете (<http://www.news.cornell.edu/Chronicles/8.6.98>). Другой поклонник писателя заботливо поместил статью с советами для начинающих о том, как нужно приступить к чтению Набокова и при этом не сойти с ума от напряжения: Martinez J. How to read Nabokov and not to go nuts (<http://pegasus.cc.ucf.edu/~jmm80625/nuts.html>).

«наиболее выдающимся из живущих американских писателей», хотя опять при этом много говорили о том, что его произведения не рассчитаны на «массового» американского читателя². В России в этом году в связи со столетним юбилеем тоже многократно поднимался вопрос о том, считать ли уже Набокова великим русским писателем или еще подождать.

Очевидно, что, при всей своей исключительности, звание «великий» и «выдающийся» писатель сам себе присвоить не может. Это делают другие, по большей части, люди, знакомые с произведениями этого писателя, то есть читатели. И, как убедительно показали недавние пушкинские торжества, это должны быть не только искушенные филологи, но и дети, домашние хозяйки, бизнесмены, зубные техники, бюрократы и даже заключенные.

Но у Набокова, как нам не перестают напоминать, отношения с читателями складывались очень странно. Точнее, никак не складывались: он их декларативно игнорировал. «Настоящему писателю должно быть наплевать на всех читателей, кроме одного: будущего, — который, в свою очередь, лишь отражение автора во времени», — безапелляционно заявляет поэт и критик Кончев в полуавтобиографическом романе «Дар» (1937)³. Почему-то именно такого рода высказывания Набокова и легли в основу мифа о его отношениях с читателями. Наверное, есть что-то привлекательное в образе писателя, одиноко парящего над безответной толпой. Да и сам Набоков не стремился этот миф разрушать.

Но мы помним, что разговор с Кончевым происходит не на самом деле, а является лишь плодом воображения начиавшего писателя Федора Константиновича Годунова-Чердынцева. На всем протяжении романа Кончев выступает в роли идеального читателя и собеседника, чем-то вроде чеховского «черного монаха», влекущего Федора к высотам писательского искусства. Несмотря на всю соблазнительность призыва «плюнуть» разом на всех читателей, трудно не заметить, насколько Федор зависит от читательского мнения, как жаждет он популярности и положительной оценки своим творениям. Зависимое положение Федора и его, в буквальном смысле, обнаженность и незащищенность перед критическим взором Кончева подчеркивается тем, что во время разговора Федор совершенно

² Appel A. Nabokov's Puppet Show // The New Republic. 1967. Vol. 156. № 2—3 (January).

³ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 305. Далее все ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома и страницы.

раздет, в то время как Кончеев застегнут на все пуговицы и не только не разделяет увлечения Федора загаром, но и предрекает ему кражу его одежду (III, 303).

В этой статье мне бы хотелось подвергнуть некоторому сомнению миф о набоковской неприступности и недоступности и затронуть более общий вопрос о том, «из чего сделаны» популярные писатели. Прижизненная слава Набокова в Америке и его растущая посмертная популярность в России дают богатый материал для такого исследования.

В Америке

Весной 1969 года внушительная делегация журналистов и вспомогательного персонала журнала «Тайм» выехала из Нью-Йорка на встречу с Набоковым в Монтрё. Результатом этой поездки явилась огромная статья под названием «Прогресс Пропсера» (*«Prospero's Progress»*), опубликованная в майском номере журнала и приуроченная к набоковскому семидесятилетию и ожидаемому триумфу «Ады». Как особо отметил в своем вступительном пояснении издатель журнала Джеймс Шепли, все члены делегации были не просто превосходными работниками прессы, но еще и читателями набоковских произведений со стажем. Все как один «пылкие» поклонники набоковского таланта⁴. А Элвин Ли даже написал в 1958 году «несбыточно хвалебную» рецензию на «Лолиту». Многие члены делегации знали Набокова лично. Загодя был заготовлен список из 21 вопроса, который предусмотрительно был телеграфирован писателю и на который он заранее подготовил письменные ответы.

Не требуется особой наблюдательности, чтобы заметить за всеми этими приготовлениями слаженность действий обеих сторон и наличие хорошо выверенного сценария. Сначала читателей знакомят с тем, как правильно произносить загадочную русскую фамилию «Набоков», но тут же и успокаивают: Набоков уже не совсем русский писатель. «Русский по происхождению, американский гражданин, который сейчас проживает в Швейцарии, в свои 70 лет Набоков — самый великий из живущих американских новеллистов и самый оригинальный писатель и стилист со времен Джойса», — говорится в четвертом параграфе⁵. Далее следует относительно детальный анализ

⁴ Shepley J. R. A Letter from the Publisher// Time. 1969. May 23. P. 9.

⁵ Prospero's Progress // Time. 1969. May 23. P. 81.

«Ады» и многократные предостережения читателей, от которых чтение нового романа потребует небывалых усилий, так что многим придется «расстаться с привычкой читать только ради удовольствия и комфорта»⁶.

Вообще в Швейцарию журналистам можно было бы и не ездить, так как готовая статья состоит на одну треть из анализа нового романа, на одну треть — из пересказа набоковских мемуаров «Другие берега», на одну шестую — из описания жизни Набокова в Америке и только одну шестую статьи составляют живые впечатления от встречи с писателем. Поскольку как таковых вопросов и ответов в статье нет, то не совсем ясно, что же здесь подсказано или даже написано самим Набоковым, а что журналистами. В последние годы Набоков, как известно, не только заранее писал ответы на вопросы, но и придирчиво следил за тем, чтобы в печатный текст не вкraлись какие-нибудь неточности и ошибки⁷.

Такая запрограммированность отнюдь не исключала «потока нескончаемых острот»: Набоков, по словам Шепли, любил подчас «забыться в разговоре» с посетителями⁸. Американские гости «были ко всему готовы»⁹. И им не приходится разочаровываться в своих ожиданиях: без долгих упрашиваний Набоков демонстрирует заветную коробку индексных карточек, на которых карандашом пишется очередной шедевр, и скромно поясняет, «что говоря совершенно объективно», он «еще ни у кого не встречал такой ясной, такой одинокой и такой сбалансированно безумной головы», как у себя самого¹⁰. Во время обеда Набоков неожиданно демонстрирует приверженность к местным продуктам и заказывает бутылку швейцарского вина. «Все эти девять лет я и не знал, что ты не любишь швейцарские вина», — примирительно говорит он слегка раздосадованной жене¹¹.

Гости даже получают доступ в творческую лабораторию писателя. На вопрос о том, что он думает по поводу иллюстраций к «Аде» в «Плейбое», Набоков разражается потоком негодования: «Ужасно! Комично! Безобразно! Художнику нужно заняться анатомией!» И тут же на глазах у журналистов принимается

⁶ Ibid.

⁷ См., напр.: *Robinson R. The Last Interview Vladimir Nabokov. A Tribute / Ed. by Peter Quennell. London, 1979. P. 119.*

⁸ *Shepley J. R. A Letter from the Publisher. P. 9.*

⁹ Ibid.

¹⁰ *Prospero's Progress. P. 82.*

¹¹ Ibid. P. 83.

писать телеграммы в редакцию, но почему-то все их сразу уничтожает. Уцелел текст одной: «Либо ваше отношение к Адной груди оптимистическое, либо пессимистическое»¹².

Что бы ни писали о набоковской «эксклюзивности», нельзя забывать тот факт, что он почти никогда не переставал писать для популярных изданий, а значит, на потребу самого среднего и в то же время самого требовательного читателя. В данном случае имеется в виду составление «крестословиц» и шахматных задач¹³, а также многочисленные публикации в таких журналах, как «Нью-Йоркер» и «Плейбой», участие в пресс-конференциях и телевизионных передачах. Не случайно апрельский номер «Плейбоя» за 1969 год называет Набокова в ряду своих постоянных авторов. Помимо интервью 1964 года, выдержанного в на редкость непринужденном для Набокова тоне, в «Плейбое» у него вышли английские переводы «Соглядатая» (1965) и «Отчаяния» (1966). В 1969 году Набоков дает «Плейбою» уникальное право напечатать большой кусок из только что законченного им романа «Ада», об иллюстрациях к которому и шла речь выше. Премьера «Ады» в «Плейбое» состоялась за месяц до того, как полный текст романа был напечатан издательством «МкГро Хил». Какие бы уникальные формы ни принимал набоковский гений в «Аде», писателю этого явно было недостаточно, раз он прибегнул к рекламе «развлекательного журнала для мужчин», в котором «Аду» представили как «самый сексуальный и абсолютно новый набоковский роман со времен «Лолиты»»¹⁴. В Америке Набоков постепенно приходит к пушкинскому благосклонному приятию и всеядности («Кто б ни был ты, о мой читатель...»). Да и само слово «Повеса», каким Набоков любовно окрестил «Плейбой», своим появлением явно обязано Пушкину («так думал молодой повеса...»).

Такому «опрощению» Набокова немало способствовало его сотрудничество с журналом «Нью-Йоркер». «Нью-Йоркер» — престижный популярный журнал, многие известные американские писатели и писательницы боролись за право печатать в нем свои рассказы. В «Нью-Йоркере» Набокову представляется не только удивительная возможность выступить перед громадной читательской аудиторией, но еще и рассказать о себе самом

¹² Prospero's Progress. P. 83.

¹³ О составлении одной из таких задач подробно рассказывается в тридцатой главе «Других берегов». И ведь именно с публикации в «Шахматном обозрении» началось официальное возвращение Набокова в Россию.

¹⁴ Playboy. 1969. April. P. 3.

и о своей далекой родине. И дореволюционная Россия, и сам Набоков являлись своеобразной экзотикой в глазах американских читателей, что не могло не повлиять на решение Гарольда Росса в 1947 году заказать Набокову несколько очерков-воспоминаний. С января 1948 года по июнь 1950-го в «Нью-Йоркере» выходят 12 из 15 глав, которые в будущем составят книгу, знакомую русским читателям под названием «Другие берега».

«Нью-Йоркер», как известно, в первую очередь славится острумыми юмористическими рисунками и рекламой. Поэтому нередко набоковский текст шел параллельно рекламе водки и русской икры, а высокий тон воспоминаний незаметно снижался вкрапленными карикатурами. Так, например, один из ключевых для Набокова очерк «Бабочки» сопровождается двумя рисунками¹⁵. На одном показан врач, смакующий виски в уединении собственного кабинета, которое он, как и подобает врачу, пьет из чайной ложки. На другом изображены две женщины, по-видимому, хозяйка и прислуга, обсуждающие гостей мужа во время перемены блюд. Одна говорит другой: «Я думаю, что это литераторы. Только и слышно — секс, секс, секс»¹⁶. Не следует думать, что Набокова удручало такое соседство. Есть многочисленные свидетельства того, как Набоков жаждал печататься в «Нью-Йоркере» и расстраивался, когда ему отказывали. (Статья в «Тайм» тоже не обошлась без огромной, во всю страницу рекламы «Смирновской».) Будучи младшим современником «мирикусников» и в одно время — даже учеников Добужинского, Набоков отлично понимал притягательную силу рекламы и красивой упаковки¹⁷.

Петербург набоковских мемуаров памятен не символистскими туманами, а дорогими магазинами с их красиво оформленными витринами, так что ребенок мечтает получить в подарок не изящную ручку или набор красок, а «рекламное чудовище», огромный карандаш «двух аршин в длину» из окна магазина письменных принадлежностей на Невском (IV, 202). Или, на худой конец, «двукаршинную модель коричневого спального вагона» из железнодорожного агентства (IV, 212).

¹⁵ Nabokov V. Butterflies // The New Yorker. 1948. June 12. P. 25—28.

¹⁶ Ibid. P. 27.

¹⁷ Бабочки, которыми Набоков любил украшать письма, рукописи и памятные открытки, являются декоративным элементом мебели, выполненной в стиле «L'Art Nouveau». Например, инкрустированные бабочки с шахматных столиков дизайнера Луи Мажореля (Louis Majorelle, 1859—1921) мало чем отличаются от набоковских, с тем же, хорошо знакомым по Набокову, сочетанием бабочек и шахмат.

А с каким чувством описывает Набоков покупки из Английского Магазина! «Тут были и кексы, и нюхательные соли, и покерные карты <... и чудные скрипучие кожаные футболы, и белые как тальк, с девственным пушком, теннисные мячи в упаковке, достойной редкостных фруктов. Эдемский сад мне представлялся британской колонией» (IV, 174). А как он живописует материнские драгоценности и украшения, которыми мог часами любоваться ребенком, милые красивые безделушки, дорогой заграничный несессер...

С таким же вкусом и чувством Набоков воспроизводит картины утраченного русского быта, делится впечатлениями исключительного ребенка, выросшего в исключительно счастливой и богатой семье. Название одного из его очерков «The Perfect Past» («Превосходное <или идеальное прошлое») не только заставляет восхищаться набоковским остроумием, но и вызывает в памяти рекламу спиртных напитков типа «превосходное шампанское» или призывы попробовать «идеальную закуску», которыми пестрели тогда страницы «Нью-Йоркера»¹⁸. Или, наоборот, реклама «превосходного вермута» («That's why you'll call Lejon the Perfect Vermouth»), помещенная в следующем номере, невольно напоминала о «превосходном» мире набоковского детства¹⁹.

В «Нью-Йоркере» Набокову не перестают напоминать о тех, ради кого и существовал журнал, то есть о читателях. Любопытна в этом отношении переписка Набокова с одним из редакторов «Нью-Йоркера» Катарин Уайт, свидетельствующая о том, как часто Набокову предлагалось смирить свою писательскую гордыню и писать проще и доступнее, в расчете на массового американского читателя²⁰. То, что воспоминания писались в виде виньеток для развлекательного журнала, не могло не отразиться и на их содержании. И русский быт, и счастливое

¹⁸ Nabokov V. The Perfect Past // The New Yorker. 1950. April 15. P. 33—36. В книжных версиях воспоминаний названия глав опускаются.

¹⁹ The New Yorker. 1950. April 29. P. 33—36.

²⁰ Nabokov V. Selected Letters: 1940—1977 / Ed. mitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. San iego; New York; London, 1989. P. 89—90, 115—118. Впоследствии Набокову даже пришлось заменить английское название мемуаров «Speak, Mnemosyne» на «Speak, Memory», так как издатели убедили его, что иначе книга просто не разойдется: читатели будут стесняться просить показать книгу с не знакомым им словом «Mnemosyne», которое многие просто не будут знать, как правильно произнести (The Nabokov—Wilson Letters / Ed. Simon Karlinsky. New York; Hagerstown; San Francisco; London, 1979. P. 259).

детство, с одной стороны, преподносятся как экзотика, с другой стороны, Набоков заботится о том, чтобы все эти экзотические конструкции не повисли в воздухе, а закрепились в сознании американского читателя. В отличие от своих предшественников (Андрея Белого, Пяста, Ходасевича и других), пытавшихся в своих воспоминаниях воссоздать культурную жизнь предреволюционной эпохи, Набоков ограничивается малым и берется рассказать своим читателям только о своей семье и о себе самом. Это не только избавляет от чтения ненужных подробностей и запоминания сотни труднопроизносимых фамилий (этого бы, в любом случае, не допустили редакторы «Нью-Йоркера»), но и исподволь подводит читателей к почти флоберовскому афоризму: Россия — это я (то есть писатель Набоков).

После «Нью-Йоркера» Набоков работает над воспоминаниями еще 15 лет, в течение которых они выходят отдельными книгами на русском и английском языках. Несмотря на всю филигранность и стилистическую изощренность окончательных текстов, как и в первоначальных журнальных вариантах, внимание читателей неизменно заостряется на одних и тех же моментах, как-то: а) семья и усадьба — «образец любви, порядка, чувства ответственности, со всеми признаками старорежимности»; б) отец — «высокого роста и благородный <... , род которого ведет свое начало от старинных московских князей»; в) мать — «всячески поощрявшая чувствительность будущего писателя к звукам и цвету»; г) няни и гувернантки — «вечно сменявшие друг друга»; д) юный Набоков (тут более подробный список — «компетентный боксер», «профессиональный теннисист», «специалист по решению шахматных задач», поэт и при этом знаток и любитель бабочек, человек редкой образованности и «наследник всех своих родных»). Все эти цитаты взяты не прямо из Набокова, а из статьи в «Тайм», в которой, как уже говорилось, приводится подробное изложение набоковских мемуаров²¹.

То, что почти каждая статья о Набокове 60—70-х годов начиналась с подробного пересказа его биографии, говорит о том, как быстро эта созданная им самим биография стала частью его писательского имиджа, подобно знаменитому пенсне и сачку для ловли бабочек. Набоков обрывает свои воспоминания на переезде в Америку. Но именно это его доамериканское житие становится американским «телом и славой» Набокова. В отличие от реалистических портретов Кеннеди, Помпиду и Эйзенхауэра, украсивших обложки других номеров, набоковский портрет для

²¹ Prospero's Progress. P. 84, 89.

«Тайм» был выполнен в виде коллажа из бюста писателя, двух бабочек, храма Василия Блаженного, кубиков с буквами для игры в русский «скрэбл» и портрета матери кисти Леона Бакста. Нужно ли говорить, что храм Василия Блаженного находится в Москве, городе Набокову не близком и с которым у него не было связано никаких воспоминаний? Но по знаменитым маковкам американскому читателю было легче идентифицировать портрет с Россией, чем, скажем, по ничего для них не значащей адмиралтейской игле.

Такой опоркультуренный, американализированный и готовый к употреблению «Набоков» никак не вяжется с привычным образом недоступного небожителя. Думается, что Набоков не имел ничего против такого культурного коктейля (иначе портрет бы просто не напечатали), а скорее всего, и сам участвовал в его изготовлении. Не случайно Набоков с удовольствием подчеркивал, что родился в один день не только с Шекспиром, но еще с американской кинозвездой Ширли Темпл²².

В воспоминаниях у Набокова есть один любопытный эпизод. В начале девятисотых годов матери Набокова приходится ухаживать за душевнобольным свекром. Дмитрий Николаевич живет в Ницце, так как он внушил себе, что только там он сможет поправиться. На какое-то время Елена Ивановна с детьми тоже перебирается в Ниццу, но рассудок старика омрачается с каждым днем все больше и больше и ухаживать за ним во Франции становится все труднее и труднее. Елена Ивановна везет его назад в Россию. В Петербурге, чтобы не расстраивать больного, она прибегает к невинной хитрости. «Моя мать закамуфлировала комнату под его спальню в Ницце. Подыскали похожую мебель, наполнили вазы выписанными с юга цветами и тот уголок стены (мне особенно нравится эта подробность <пишет Набоков>), который можно было наискось разглядеть из окна, покрасили в блестяще-белый цвет, так что при каждом временном прояснении рассудка больной видел себя в безопасности, среди блеска и мимоз иллюзорной Ривьеры, художественно представленной моей матерью, и умер он мирно, не слыша гоглы русских берез, шумящих мартовским прутяным шорохом вокруг дома» (IV, 162). Не с такой же ли чуткостью, унаследованной от матери, Набоков «художественно представил» своим американским читателям Россию своего детства, давая им уникальную возможность разглядеть ее прямо из своих окон в безопасности своих кабинетов, спален и гостиных?

²² Prospero's Progress. P. 81.

Страдая по потеряянному раю дореволюционной России, Набоков тем не менее быстро дает понять читателям, что в Америке он обрел свою вторую родину. Ведь именно в Америку «через Вологду, Вятку и Пермь <... за суровый Урал, через Якутск и Верхнеколымск» (в обход Европы!) перелетают бабочки из набоковского детства (IV, 202). Таких примеров перехода из прошлого в настоящее достаточно много. Как видно из всем известного предложения о бабочке, детские воспоминания от событий настоящего времени синтаксически отделены не точкой, а лишь тире, что дает им статус сообщающихся сосудов. То, что убывает в одном месте, тут же перекачивается в другое. То, что когда-то не доездил и не докатал маленький Володя Набоков по дорогам России, с успехом наверстывается его сыном: «...а теперь мой сын, гарвардский студент, небрежно делает столько же в полчаса, запросто катя из Бостона в Альберту, Калифорнию или Мексику» (IV, 239). Если в Европе Набоков не переставал оглядываться назад, в прошлое, то в Америке он трансформирует это прошлое в литературный факт настоящего, тем самым создавая резервуар культурной памяти о потерянной России в отзывчивых сердцах американских читателей.

Порой Набоков прибегает к откровенной саморекламе. Так, например, воспоминания о вечно сменяющихся гувернантках служат поводом для того, чтобы без всякого перехода посвятить читателей в свои теперешние успехи в Америке: «Могу себе представить, как этим бедным воспитательницам иногда бывало скучно со мной, какие длинные письма писали они в тишине своих скучных комнат. Я теперь читаю курс по европейской литературе в американском университете тремстам студентам» (IV, 179). Чтобы читатели мемуаров не уподобились недалеким воспитательницам и не проглядели своего гениального писателя, Набоков им время от времени устраивает встряски и разносы. Зорко следит за тем, чтобы причудливая канва его жизни не ускольззала, а постепенно откладывалась в памяти читателей. Отсюда постоянные намеки на наличие каких-то повторяющихся узоров и общих схем (читатель, не спи!), а также склонность к трюизмам типа «моя нежная и веселая мать» (IV, 147) или «бескорыстный барин-либерал» отец (IV, 185), придающим ощущение сказочности и в то же время какой-то эпохальности происходящего²³.

²³ Я никоим образом не хочу умалить силу и яркость набоковского дарования. Но в данном случае меня больше интересует, как у Набокова, говоря его собственными словами, завязывался «контакт

Случай Набокова достаточно уникальный. Обычно читатели получают доступ к событиям из жизни писателя после того, как он становится знаменитым, чаще — когда писателя уже нет в живых. Набоков же знакомит своих читателей с фактами своей биографии параллельно тому, как разворачивается его литературная деятельность в Америке, параллельно тому, как к нему приходят известность и слава. Это не только стимулирует интерес к личности автора, но и подчеркивает пропасть между писателем и его вымышленными персонажами, постоянно фиксируя внимание читателей на силе творческого воображения и таланта. Именно в эту силу воображения обычно труднее всего поверить читателям. Читателям легче поверить в то, что писатель сам пережил все, им написанное, чем в то, что он обладает недюжинной фантазией.

С Набоковым этого не случилось: все пишущие о Набокове неизменно восхищались полетом его воображения и головоломностью развития сюжетов. Поэтому после десяти лет приобщения американских читателей к своей персоне Набоков, в отличие от Гумберта Гумбера²⁴, мог уже не бояться того, что его

с сознанием читателя» (цитата из «Славы»). Очевидно, что возникновению такого контакта способствует целый ряд обстоятельств. Например, любопытно, что одним из первых «серьезных» исследователей творчества Набокова стал его бывший студент, Альфред Аппель, которого сам Набоков обучил правильному, с его точки зрения, прочтению литературных произведений, включая и свои собственные. А преподавателем Набоков, как известно, был строгим и не терпящим возражений. Так, еще в самом начале своей преподавательской карьеры он оценил всех русских писателей по пятибалльной шкале (Толстой — 5+; Пушкин и Чехов — 5; Гоголь — 4; Достоевский — 3 и даже 2 с минусом и т. п.) и требовал от студентов, чтобы они выучили эти его оценки наизусть и руководствовались ими при ответах на экзаменах. «Тот, кто предпочитает Достоевского Чехову, никогда не поймет сущности русской жизни», — запугивал своих студентов Набоков. См.: Грин Х. Мистер Набоков // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 207.

²⁴ Как мы помним, Гумберту Гумберту не удалось убедить Шарлотту Гейз, что так расстроившие ее дневниковые записи были «всего лишь набросками для романа» (V (дополн.), 98). И безутешная Шарлотта попадает под колеса автомобиля. Кто знает, не будь Гумберт Гумберт таким самонадеянным и удали он ей больше внимания, все могло бы обернуться по-другому. Не лучше складываются и его взаимоотношения с Лолитой. Злоключения Гумберта в Америке и крах его отношений с Лолитой можно рассматривать еще и как неудавшуюся попытку писателя-европейца покорить американского массового читателя, который в романе представлен Долорес Гейз и ее матерью. И Долорес, и Шарлотта явно отдают

«Лолиту» читатели воспримут как случай из личной жизни или, тем более, как занятный порнографический роман. Догадливый и в меру образованный американский читатель уже был заранее готов к таким подвохам со стороны Набокова и бросился отыскивать скрытые подводные течения и тайные узоры. Поэтому стоит ли удивляться, что «люди разумные, отзывчивые и стойкие», по словам писателя, «поняли внутреннее устройство» его книги «значительно лучше, чем <он сам мог ее объяснить»?²⁵ Как следует из предисловия к американскому изданию 1958 года, такое вдумчивое отношение к своему роману Набоков всячески поощрял и чем мог помогал своим читателям. Когда в 1967 году Альфред Аппель обращается к нему с предложением составить комментарии к «Лолите», Набоков не только отвечает согласием, но и сам же активно включается в текстологическую работу, уточняя многие темные места. Некоторые комментарии (например, обо всем, что касается бабочек) он пишет сам²⁶. И этим дело не ограничивается: Набоков снабжает все английские переводы своих более ранних произведений подробными вступлениями. Кропотливо описывает не только условия создания каждого романа или то, как выглядели первые издания, но и объясняет основные сюжетные линии, обращая особое внимание на то, как «сделана» та или иная вещь.

Итак, в Америке у Набокова создаются исключительные условия для общения с читателями, предлогом к поддержанию и к развитию которых служила сложность и недоступность набоковского мира простым читателям. В отличие от других американских писателей, чьи писательские миры так и остались непонятными, Набокова выручало его русское происхождение, а значит, и априорная необычность его художественного видения, которое нуждалось в постоянном переводе и пояснениях. Стоит ли говорить о том, что Набоков любил своих читателей и что такая любовь требовала больших затрат? Например, нужно было все время поддерживать миф о недоступности своих произведений простым читателям, что давало

предпочтение американскому драматургу Куилти, который не только не насмеялся над неразвитостью их вкусов, но и всячески потакает им. Ошибка Гумберта Гумберта в том, что он не замечает, что Лолита представляет собой не только «тело», но еще и «читателя», на взаимосвязь которых Набоков обратил внимание сразу после своего приезда в Америку (*«Слава»*).

²⁵ Набоков В. О книге, озаглавленной «Лолита» // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 87.

²⁶ Nabokov V. Selected Letters: 1940—1977. Р. 407—415.

поворот лишний раз спуститься к ним с небес, вступить в непосредственный контакт, а часто и прочесть наставление. Как показывают многочисленные интервью и пояснения к собственным произведениям, такие вылазки к читателям с годами Набокову нравились все больше и больше. Потому так и раздражали его все те, кто пытались встать между ним и читателями, все эти литературные критики и всякого рода интерпретаторы, не понимавшие, что в любви, как и в дружбе, третий всегда оказывается лишним.

Набоков постепенно приучает читателей обращаться к нему (и только к нему) по всем вопросам касательно его жизни и творчества²⁷. Да и кто лучше самого Набокова знал Набокова? Он терпеливо отвечает на все вопросы. Даже на такой интимный, но часто повторяющийся вопрос: как вы сами оцениваете свое положение в ряду классиков XX века? — отвечает очаровательным полунамеком: «Ах, какой прекрасный вид открывается отсюда»²⁸. То есть с вершины. И только от вопроса о том, что бы он сам написал в собственном некрологе, Набоков уклоняется, объясняя это тем, что все время живет в предвкушении новых замыслов, которые в силу своей будущной запредельности не поддаются некрологическим анализам²⁹. Но имеющий уши услышит.

Со временем Набокову начинают задавать вопросы и более общего порядка, которые он также не оставляет без ответа. Вот примеры. Вопрос: «Что вы думаете о насилии в современном мире?» Набоков: «Я испытываю отвращение к зверствам всех зверей, белокожих и чернокожих, коричневых и краснокожих...»³⁰ Вопрос: «Что вы думаете о так называемой “студенческой революции”?» Набоков: «...Демонстрантов в американских университетах так же мало заботит обучение, как английских фанатов волнует футбол, когда они рушат и крушат станции

²⁷ Когда Альфреду Аппелю приходит в голову сравнить Набокова с ловким кукольником, испытывающим почти детское удовольствие от разыгрываемых им самим представлений, то перед тем как обнародовать свое сопоставление, он предусмотрительно делится своей находкой с писателем и заручается его одобрением и поддержкой. «Именно так, именно так», — соглашается довольный Набоков. И далее в приказном порядке: «Вы должны это вставить в свою книгу» (*Appel A. Nabokov's Puppet Show // The New Republic. 1967. Vol. 156. № 3. January. P. 28.*

²⁸ *Nabokov V. Strong pinions. New York, 1990. P. 181.*

²⁹ *Ibid. P. 134.*

³⁰ *Ibid. P. 133.*

метро...»³¹ Вопрос: «Вам нравится быть американским подданным?» Набоков: «Да, очень»³². Трудно представить, что ответы на эти вопросы были рассчитаны на высокоинтеллектуальных читателей. Они были рассчитаны на тех, кто либо никогда не читал его книг, но смотрел фильм, либо на тех, кто прочел одно-два произведения, то есть как раз на ту массу читательских тел, от которой, в конечном счете, зависела американская слава Набокова.

В России

В Америке (где личный контакт всегда предпочитался заочному общению) слава не поленилась и настигла Набокова на жизненном пути. И это неудивительно, так как основные вехи жизни писателя легко укладываются в рамки знакомого и любимого мифа о реализации американской мечты. Как в свое время отметил «Тайм», Набоков — «человек, который потерял все, но благодаря своему искусству и легкомыслию умудрился трансформировать эти потери в источник своего таланта»³³.

В России слава к Набокову пришла (точнее, приползла), как и полагается, после смерти. Согласно библиографическим источникам, только за последние 10 лет в России было написано более 400 работ, посвященных творчеству Набокова. Такой небывалый размах русского набоковедения уже сам по себе может служить мерилом набоковской популярности. Но станет ли Набоков великим русским писателем, как Пушкин или Достоевский? Как и в Америке, в России Набоков известен широкой читательской публике, в первую очередь, как автор «Лолиты» и «Других берегов». Не будем вдаваться в подробности о том, кто, как и почему читает «Лолиту». Как остроумно заметило издательство «ТФ Прогресс» в своей аннотации к роману: «ХХ век прошел, и, подводя итоги, мы обнаружили, что „Лолита“ Набокова уже давно лежит на полке классики, уютно перекинув через читателя свои длинные и худенькие ноги»³⁴.

³¹ Ibid. P. 139.

³² Ibid. P. 149.

³³ Prospero's Progress. P. 81. Родительный падеж имени шекспировского героя, с которым сравнивают Набокова авторы статьи, содержит анаграмму слова «prosperous», поэтому название статьи можно еще прочитать и как «Prosperous Progress», т. е. «процветающий прогресс» или «прогресс процветания».

³⁴ Набоков В. Лолита. М., 1998. С. 4.

Популярность «Других берегов» тоже вполне объяснима в стране, где три четверти населения охвачены сейчас тоской по утраченному времени, не важно — брежневскому ли, сталинскому ли, или дореволюционному. Возвращение когда-то отвергнутого Набокова становится залогом того, что всякое время можно, при большом желании, вернуть и даже повернуть вспять, надо только его хорошенько припомнить. К тому же и темы обсуждаются всем понятные и интересные, а именно — воспитание детей, семья, брак, любовь, какими принципами руководствоваться в жизни. Да и элементарным правилам поведения неплохо поучиться. В глазах любознательных читателей Набоков не просто писатель, а еще «последний дворянин в русской литературе»³⁵. Не случайно респектабельный журнал «Домовой» (что-то среднее между «Нью-Йоркером» и «Плейбоем») посвятил подробную статью набоковской семье с чудесными, вызывающими острую зависть фотографиями³⁶. Статью предваряет следующее вступление: «Как воспитывать детей: баловать их или держать в строгости? Прочтите о том, как воспитывали детей в семье Набоковых. Может быть, вынесете из этого что-то полезное и для себя». Когда главному редактору журнала понадобилось перейти к обсуждению спортивной символики, то на помощь опять-таки приходят Набоковы: «Набоковы, кстати, были теннисисты...» Можно только догадываться, сколько еще любопытных тем будет в дальнейшем предложено читателям при помощи этого «кстати».

Всматрившись в Набокова и в Набоковых, как в зеркало, российские читатели неожиданно увидели свои преображеные лица и, как Нарцисс, влюбились в свое новое отражение. И не просто влюбились, а начали припомнить, что уже где-то видели точно такие же лица. Да почему бы и не вспоминать вместе с Набоковым о себе только хорошее, детское, почти сказочное? «Чем больше узнаешь эту *незнакомую* страну, тем крепче влюбляешься в нее. Это происходит невольно!» (курсив мой. — Г.Р.) — прочувствованно говорит Станислав Говорухин в своем псевдодокументальном фильме «Россия, которую мы потеряли» (1992). Речь идет, конечно, о «загадочной» (слово Говорухина) дореволюционной России. Вся прелест таких воспоминаний — в их заведомой неподотчетности: «А мне *так* помнится», — защищал некоторые неточности своих воспоминаний двоюродный брат писателя,

³⁵ Так называется статья Дмитрия Бавильского: «Последний дворянин в русской литературе» (Литературная газета. 1999. 21 апреля. № 16. С. 12).

³⁶ Семейный архив // Домовой. 1995. Сентябрь. С. 136—144.

композитор Николай Набоков³⁷. Еще лучше эту мысль выразил когда-то Бунин: «Сердцем помню только детство, все другое — не мое!» Вообще русская культурная память о конце XIX и начале XX века оказалась на редкость избирательной, что и обеспечило, в конечном счете, сохранение и живучесть этого богатого культурного слоя. И не просто сохранение, а почетное место в памяти потомков. А все потому, что Серебряный век (к которому относили и относят Набокова) многим помнится не просто как период небывалого культурного подъема, но и как время, которое было резко и незаслуженно прервано Октябрьской революцией и дальнейшими сталинскими преобразованиями. Поэтому многие благодарно бросились на работу по его незамедлительному спасению, воскрешению и припоминанию.

А некоторые, как выясняется, предпочитают вообще не вспоминать о Серебряном веке, да и не о нем одном. Им бы хотелось прочертить пунктир от Пушкина к Набокову, и чтобы между ними никого и ничего не было. «Именно так развивалась бы пряная культура наша, если бы не случилось то, что случилось. <... Да-да, чуждая всяких там модерновых теорий и методологий, схема творчества В. В. идеально вписывается в старомодную типологию романтического движения», — фантастизирует Дмитрий Бавильский в юбилейной статье³⁸. А случились, по мнению Бавильского, не только узколобые большевики, но и Достоевский с разночинцами, которые «надругались над литературой, превратив ее в девку, обслуживающую общие интересы»³⁹. Не уточняя, что это были за общие интересы, Бавильский полагается на авторитет юбиляра, так как высказанная им мысль не что иное, как аллюзия на многочисленные суждения самого Набокова о Достоевском. И в данном случае не важно, прав ли был Набоков в своих нелестных оценках. Важно другое: что именно эти оценки Набокова сейчас совпадают с чувствами Бавильского, и не его одного. Как сказал по другому поводу Антуан Компаньон, «одной из основных функций великого писателя является приданье ощущения законности (закономерности) появления подобных чувств»⁴⁰.

Связь Набокова с Петербургом тоже представляется немаловажной для объяснения растущей популярности писателя. В отличие от Москвы, последнее время выделившейся в обособленное государство, Петербург сейчас все больше и больше вос-

³⁷ Набоков Н. Багаж / Вступительная статья М. Ледковской // Звезда. 1999. № 4. С. 93.

³⁸ Бавильский Д. Последний дворянин в русской литературе. С. 12.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Compagnon A. Marcel Proust's «Remembrance of Things Past» // Realms of Memory. New York, 1997. Vol. 2. P. 212.

принимается как неотъемлемая часть России. На наших глазах происходит перерождение знаменитой парадигмы: Москва не преодолимо превращается в оплот всего западного и порочного, в то время как Петербург, оправдаясь и разрушаясь, обретает черты исконно русского культурного центра. Возвращение Набокова на Большой Морской, тоже говорящее о некотором его оправдании, одомашнивании и обрусении⁴¹, явилось результатом совместных усилий многих людей. Коллекция молодого еще музея в основном пополняется за счет даров многочисленных поклонников писателя. По сути дела, происходит не только коллектическое причащение к памяти, но и кропотливое восстановление по памяти и по кусочкам — занятие, которому позавидовал бы сам Набоков. В музее экспонируются как первые издания романов «Машенька», «Подвиг» и «Лолита», так и знаменитое набоковское пенсне, которое недавно привез в Россию сын писателя. То есть искомое сочетание «славы и тела».

Из чего же еще сделан русский Набоков? В этом году набоковские торжества решили отметить выставкой «Набоковские бабочки», на которой было представлено более 500 детских работ. Организаторы выставки отдали предпочтение детям (не всяким, правда, а «из петербургских художественных школ»), потому что детское воображение «разительно отличается от взрослого, наполненного шаблонами, так что нас уже тошнит от десятка однообразных лолит»⁴². Примечательно не то, что мир взрослых русских по-прежнему наполнен не бабочками, а шаблонами, от которых даже «тошнит», а то, что одним из таких шаблонов уже является набоковская лолита. Хуже чем «Барби», с маленькой буквы. Узнай об этом Гумберт Гумберт — наверное, расстроился бы. Владимир Владимирович Набоков, скорее всего, только бы загадочно улыбнулся.

⁴¹ Как и почти все русское население сейчас, Набоков оказался среди потерпевших: в 1995 году сгорела семейная усадьба Набоковых в Рождествено. Тем с большим воодушевлением взялись за ее восстановление. Александр Семочкин, реставратор и директор музея-усадьбы, объясняет это тем, что некоторые восприняли пожар как «катарсис, очищение огнем, которое проходим мы и сам Набоков <...> перед тем, как слиться в единую массу, которая называется отечественной культурой». См. видеофильм «Дом» (первая глава из литературно-музыкального триптиха-эссе «Ключи Набокова»), студия «Дар», реж. Евгений Поротов, 1997.

⁴² Вольтская Т. Поездка в Рождествено. Хроника праздника // Литературная газета. 1999. 21 апреля. № 16. С. 12.